

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации

МАТВЕЕНКО Ирины Алексеевны

**«Восприятие английского социально-криминального романа в
русской литературе 1830 – 1900-х гг.»**,

представленной на соискание ученой степени
доктора филологических наук по специальности
10.01.01 – русская литература

Диссертация **И.А.Матвеевко** представляет собой **фундаментальное исследование** европейского литературного процесса в один из самых любопытных периодов его развития – на этапе генезиса и стремительного развития реалистической социально-психологической парадигмы словесно-образного освоения усложнившихся в XIX веке отношений мира и человека. Это основательное исследование типологических сближений, совпадений и параллелей в двух ведущих европейских литературах второй половины позапрошлого века – русской и английской. Работа экстраполирует этот объемный и комплексный процесс историко-литературных совпадений и параллелей не только на уровень классических вершин обеих национальных литератур, но и на уровень творчества писателей второго и далее порядка, нередко демонстрирующих те или иные процессы литературного развития в более «чистом» виде, чем гении. Работа также, что составляет особую ее ценность, рассматривает этот процесс и на уровне региональных (областных) литератур.

Предложенный И.А.Матвеевко исследовательский подход, определяющий **оригинальность** диссертации, открывает интересные **перспективы** вычерчивания сущностных контуров русского (и шире – европейского) литературного процесса в аспекте жанровых взаимодействий, типологических схождений и рецеptions. Он открывает хорошие возможности для исследований взаимодействия различных национальных литератур в культурологическом контексте, в сфере жанровой типологии, личностных литературных предпочтений крупнейших писателей, чье творчество нередко составляет ядро национального литературного процесса в той или иной стране, а также писателей второго и далее рядов, т.е. на целостном «вертикальном срезе» определенного этапа мировой литературы.

Актуальность анализируемой диссертации совершенно очевидна, а в самой работе она весьма точно определена: при современном анализе проблем генезиса русского реалистического романа как в его великих, так и не самых вершинных проявлениях, совершенно необходимо полнее и основательнее, чем это было принято ранее, видеть его в контексте динамики мировой литературы, в том числе – и в аспекте рецеptions русскими писателями жанровых поисков и достижений зарубежных писателей. **Актуальность** работы связана также и с обострившемся в последнее время вопросом о необходимости серьезного, глубокого и основательного предпереводческого

анализа художественных произведений в связи с растущим количеством переводимой художественной литературы. История русских переводов английского социально-криминального романа, представленная в диссертации И.А.Матвеевко, подчеркивает важность такого рода деятельности для любого переводчика. **Актуальность** работы очевидна и в ее литературно-регионоведческой части, поскольку написание историй региональных (областных) литератур – по-прежнему одна из насущных задач литературоведов-краеведов.

Новизна работы связана главным образом с тем, что И.А.Матвеевко впервые в отечественной науке о литературе комплексно и многоаспектно анализирует историю восприятия одной жанровой модификации романа русскими писателями (шире – русской культурой), причем акцент делается на активном, т.е. творческом переосмыслении жанровых структур и их новом, уже окрашенном русской спецификой, бытовании.

В связи с этим представляется совершенно верным определение **объекта** анализа – структура русской рецепции жанра, столь развитого в английской литературе позапрошлого века, динамика которой трактуется как важная линия развития литературного процесса в России 1830 – 1890-х гг., особенно – в сфере генезиса и эволюции русской социально-аналитической реалистической традиции. В связи с предложенной концепцией трех уровней рецепции в работе весьма органично соседствует порою трудно сопоставимые по масштабу творчества и вклада в мировую и русскую литературу писатели – Ф.М.Достоевский и Л.Н.Толстой, Ч.Диккенс и У.М.Теккерей, с одной стороны, и Н.Е.Гейнце, Н.Д.Ахшарумов, У.Эйнсворт, с другой. Определенный исследователем **предмет анализа** – конкретные рецептивные сюжеты, связанные с этапами восприятия английского романа указанной жанровой модификации и его меняющимися «ядрами» (историческими, культурологическими, эстетическими, идеологическими пр.) – приводит И.А.Матвеевко к очень верной и точной постановке **цели** исследования, к достижению которой автор диссертации идет уверенно и основательно: продемонстрировать, насколько значимой и показательной для динамики русской литературы обозначенного периода в целом (а не только конкретного жанра или жанровых модулей) было знакомство и творческое восприятие жанровых традиций английской романной практики 1830 – 1870-х гг.

Автором диссертации серьезно продуманы теоретические и историко-литературные исследовательские **задачи**, охватывающие три аспекта рецепции – литературно-критический, культуролого-переводческий и собственно литературно-творческий (в том числе и постановка проблемы «жанровых модуляций» русского романа второй половины XIX века). Необходимость последовательного решения задач в их трехаспектной парадигме предопределила **структуру** диссертации, ее исследовательскую динамику и привела автора диссертации, с одной стороны, к постановке **основных положений, выносимых на защиту** (среди которых особо подчеркнем выделение трех этапов рецепции, специфику эволюции стратегии переводов английских образчиков жанра на русский язык, осмысление

типологических схождений английского социально-криминального романа и шедевров русской литературы – романов «Преступление и наказание» и «Воскресение»), а с другой — к фундаментальным выводам об **итогах анализа предмета** своего исследования.

Безусловно, в равной степени заслуживают одобрения **теоретико-методологические** посылки работы, связанные с ее междисциплинарностью, поскольку И.А.Матвеевко органично синтезировала в работе принципы историко-литературного, структурно-поэтологического, историко-культурного, сравнительно-типологического и историко- и культуролого-переводческого анализа материала.

Личный вклад И.А.Матвеевко в исследуемую проблематику состоит в том, что исследователь впервые собрал и ввел в научный обиход обширный материал по вопросам русской рецепции английского социально-криминального романа, проанализировал русскую литературную критику позапрошлого века в аспекте рецепции указанной жанровой модели, провел квалифицированный анализ стратегии и тактики перевода английского романа исследуемой жанровой структуры в России 1830 – 1900-х гг., новаторски рассмотрел типологические схождения английского социально-криминального романа (в его различных модификациях) и русского классического романа Ф.М.Достоевского и Л.Н.Толстого, разработал и применил концепцию «жанровых модуляций» русского романа XIX века.

Научная ценность диссертации состоит в дальнейшей разработке теории жанровых романных модификаций, их историко-литературных и эстетических основ, в развитии теории и практики предпереводческого анализа художественных произведений, истории перевода английской художественной литературы в России, в отработке анализа рецепции одной литературой (шире – культурой) другой как в синхронном, так и диахронном аспекте.

Теоретическая значимость диссертации состоит в создании значительно более полной, по сравнению с ныне у нас имеющейся, картины генезиса и эволюции русского реалистического романа, когда автор вводит в литературоведческий оборот новые историко-литературные реалии, новые имена, по-новому смотрит на уже казалось бы известные факты, когда И.А.Матвеевко разрабатывает и использует комплексный методологический подход к анализу романов указанной жанровой модификации и к самому понятию литературный процесс в его одновременно национальной и наднациональной сути.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования ее материалов и итогов в вузовском преподавании и изучении истории русской литературы позапрошлого века, в развитии теории и практики сравнительно-типологического исследования литературного процесса, при обучении истории художественного перевода, при осмыслении места и роли русской и английской литературы в динамике мирового литературного процесса. Практическая значимость работы очевидна также в возможности применения используемой автором методики анализа романов к

произведениям других авторов и других стран. Еще одной сферой практической значимости становится история художественного перевода в России и методика предпереводческого анализа художественного произведения.

Структура работы, как убеждает прочтение всей диссертации, продумана и отвечает потребностям решения поставленных задач и достижения обозначенной цели исследования.

Проблематика и выводы диссертации соответствуют паспорту специальности «10.01.01 – русская литература», поскольку обращена к разработке проблем истории русской литературы XIX века, нацелена на изучение сущности и особенностей творчества ряда русских писателей, их художественных открытий, продолжения ими национальных традиций и достижений мировой литературы; она предполагает осмысление развития жанров, стилей, течений, направлений в художественном словесном творчестве и его связей с протекающей рядом литературной деятельностью (литературная критика, письма, дневники, записные книжки, мемуары и т.п.); изучение динамики литературного творчества. Диссертация сосредоточена на исследовании русского литературного процесса в следующих областях исследования, обозначенных паспортом специальности: **п.3** – история русской литературы XIX века (1800 – 1890-е годы); **п.9** - Индивидуально-писательское и типологическое выражения жанрово-стилевых особенностей в их историческом развитии; **пп.17 и 18** - Взаимодействие русской и мировой литературы, древней и новой; Россия и Запад: их литературные взаимоотношения.

В связи с принципиально выделяемыми автором диссертации тремя уровнями русской рецепции английского социально-криминального романа (понимаемого как динамически складывающееся и развивающееся формально-содержательное образование: не случайно автор выстраивает линию развития этого жанра от «ньюгейтского» через «сенсационный» роман к роману-детективу, который весьма полно соответствует устоявшемуся у нас понятию «хорошо сделанный английский роман») **первая глава** посвящена восприятию этой жанровой формы, воспроизведенной по-своему и в соответствии с особенностями культурно-литературного этапа развития английской литературы последовательно У.Годвином, Э.Бульвер Литоном, Ч.Диккенсом, и У.Коллинзом. Эта глава у меня как специалиста в области викторианского романа вызвала особый интерес в том числе и потому, что стратегия ее написания требовала от автора погружении в английский литературный процесс времени, эрудиции в области особенностей художественного творчества английских писателей, чьи произведения подвергались рецепции. В четырех параграфах этой главы И.А.Матвеевко, обращаясь к работам русских литературных критиков, показывает, с одной стороны, специфику жанровой модификации социально-криминального романа, особенности функционирования ее жанровой модели под пером каждого из четырех писателей, а с другой – демонстрирует, *что* в выбранных для разговора романах привлекало русскую критику, которая в позапрошлом

веке, не в пример нынешней, была (как и журналы, ее печатающие) законодательницей не только литературной моды, но и носителем ряда необычайно важных для развития России социокультурных парадигм. В этой главе много любопытного материала, интересных фактов, одновременно – немало тонких наблюдений как над эстетической сутью произведений английских авторов, чьи произведения вдруг стали фактом русской культуры, поскольку легли на хорошо подготовленную «почву» русского идейно-художественного сознания, как известно, весьма активного в XIX веке, так и над оценкой романов тогдашней литературной критикой. Нельзя не отметить, сколь тщателен диссертант в подборе материала, как много журналов и статей в них И.А.Матвеевко проработала, осмыслила, типологизировала, обнаружила «изюминку» каждого литературно-критического опуса. Причем автор диссертации обращается и к трудам современных критиков и литературоведов (например, при размышлении о рецепции романа У.Годвина «Калед Уильямс»). Одним из интересных разделов первой главы, на наш взгляд, является раздел 1.2, посвященный вариации «ньюгейтского» романа Э.Бульвер-Литтона, в наше время более известного своими историческими романами, а в позапрошлом веке – как автор знаменитых «Поля Клифорда» и «Пелэма». И.А.Матвеевко справедливо говорит о трех этапах интереса к этому автору в XIX веке, акцентируя различие в рецепции так называемых «ньюгейтских» романов писателя Н.Полевым и его «Московским телеграфом», А.В.Дружининым и Н.Г.Чернышевским, увязывая это и с эволюцией общественной мысли России от 1830-х к 1860-м, и с динамикой собственно русской литературы, к 1860-м гг. набравшей такую мощь, что уже через десяток лет она стала лидером мирового литературного процесса, оставаясь таковым вплоть до 1910-х гг.: «Если в 1830-е гг. «ньюгейтский» роман интересовал русских критиков в плане сюжетостроения и нарратива, активно критиковался за романтические тенденции при изображении характеров, то в 1850-60-е гг. в центре внимания оказались его тематика и проблематика, психологизм и художественные особенности», – читаем в диссертации (с. 55). Думается, что одной из причин такого продолжительного внимания к Бульверу в русской критике позапрошлого века был принципиальный для писателя интерес к отдельно взятой личности, к ее самостоятельности, независимости и свободе, а значит и гражданской ответственности. Правда, такого рода идеи в большей степени лягут в основу его исторических романов, но даже в развлекательных, казалось бы, «ньюгейтских» романах, особенно в «Поле Клифорде» в финале романа они звучат достаточно отчетливо. И.А.Матвеевко, как кажется, иронизирует над анонимным рецензентом романов Бульвера из «Московского телеграфа», когда тот пишет о нем как о «бунтовщике и новаторе» (с.50). А между тем, и в современной английской критике Бульвер-Литтон воспринимается как писатель-социальный реформист либерального толка (см. например раздел о нем в замечательной книге Ф. Дэвиса «Викторианцы», где именитый исследователь весьма диалектичен к ньюгейтскому роману Бульвера и не считает его сугубо развлекательным и смотрит на него в контексте всего

творчества писателя, чего, увы, не делает И.А.Матвеевко).

Достаточно интересен и раздел диссертационной работы, обращенный к рецепции знаменитого «Оливера Твиста» в России XIX века, в которой И.А.Матвеевко отмечает два пика особого интереса русской критики к этому раннему роману Диккенса – 1840-е и 1870-1880-е гг. Кстати здесь удачными выглядят те пассажи раздела, где автор диссертации показывает, так сказать, некую «служебность» жанровых формул «ньюгейтского романа» у Диккенса, уже в этом романе стремящемся сказать больше о жизни Англии, чем «позволяли» жанровые клише криминального повествования (поэтому Диккенс активно за пределы этого жанрового образования и выходил). В этом разделе автор диссертации опирается в том числе и на работы англоязычных литературоведов (чего не хватило, например, в разделе о Бульвере Литтоне). Совершенно справедливы размышления автора о том, что это «выплёскивание» таланта молодого Диккенса за рамки криминального, пусть даже и социально заостренного, жанра заметил и отметил В.Г.Белинский. Не вызывает возражений и обобщающая мысль автора работы в конце «диккенсовского» раздела: «Популярность «Оливера Твиста» в указанное десятилетие обусловлена становлением натуральной школы в русской литературе, которая могла пополнить свой арсенал за счет бытописания и изображения «маленького» человека, взятых из английского романа» (с.67 – 68). Отмечу, что и последующее творчество писателя, и дальнейшее бытование находок английского «ньюгейтского» романа в английской и русской литературах, в значительной степени были связаны не столько с собственно ньюгейтскими формулами, сколько с использованием их для постановки и решения (в том числе и за счет сюжетно-повествовательного обострения) более социально значимых вопросов, чем преступление и криминальные тайны. Именно в этом видится некая особая связующая роль этого типа жанра между сатирическими «криминальными» повествованиями XVIII века («История Джонатана Уайльда Великого» Г.Филдинга) и знаменитым английским детективным романом поздневикторианского и эдвардианского (и последующих) этапов.

Логичным в связи с этим становится обращение диссертантки к творчеству У.Коллинза и к русской рецепции его романов, в истории мировой литературы справедливо считающихся первыми (наряду с произведениями Э.А.По) образчиками детективного жанра как такового. В четвертом разделе первой главы, посвященном восприятию Коллинза в России 1860-х – 1880-х гг., акцент делается на эволюции английской *crime fiction* и появлении в середине позапрошлого века такого ее явления, как «сенсационный роман», где особо функционируют элементы *suspense*, ставшие затем обязательным элементом детективного жанра и возникающие не столько из-за необычного стечения обстоятельств или нагнетения готического (страшного) элемента, не из-за наличия двуполюсности (как у Диккенса) – абсолютного добра и inferнального зла только, а за счет расследования детективом-сыщиком (профессионалом или детективом-любителем) тайны преступления, столкновения ложных путей расследования и ошибочных версий с истиной, и

т.п. сюжетные напряжения, ставшие едва ли не общим местом детективного жанра. Мы говорим в том числе и об интеллектуальном *suspense*, об особой психолого-интеллектуальной напряженности сюжета и повествования, отражавших в том числе и возрастающую драматизацию романного жанра в английской литературе середины и второй половины XIX века. Не случайно автор диссертации видит некий «общий знаменатель» всех периодов рецепции Коллинза в подчеркивании русскими критиками глубокого психологизма писателя при создании образов персонажей, причем не только сыщика, но и преступника (что особенно отмечали некоторые русские критики, например, А.А.Шкляревский). Не могли не заметить русские критики и своеобразной организации повествования (многоголосия) в романах Коллинза («Женщина в белом»). Хотя, как отмечает И.А.Матвеевко, это не мешало русской литературной критике того времени числить произведения Коллинза по списку массовой, развлекательной литературы, и она справедливо полагает, что «на их основе вырабатывались критерии оценки и каноны создания подобных отечественных произведений» (с.84).

Междисциплинарность работы, в том числе и ее культурологический зачин, со всей очевидностью проявляются во второй главе диссертации, скромно названной автором «Переводы английских социально-криминальных романов в России 1830 – 1890-х гг.», но по сути анализирующей и собственно переводы (практически все переводы того или иного романа, созданные в то время), и их поэтику. Здесь не могу не отметить наличие возможности у того, кто знакомится с диссертацией, непосредственно увидеть и ощутить сложности переводческих проблем, когда автор диссертации дает цитату в оригинале, соответствующий отрывок из перевода русского переводчика того времени и свой перевод цитаты, чтобы показать достижения и недостатки тогдашних переводов. А это, естественно требовало от автора работы погружения и в поэтику оригинала, и в литературные и экстра-литературные обстоятельства, повлиявшие как на выбор произведения для перевода, так и на характер и качество перевода. Это требовало также анализа степени воздействия переводного текста на реципиентов, так сказать, – читателей, критиков и писателей. Словом, вторая глава весьма интересна и глубока как по постановке задач, так и по характеру их решения. Не случайно она самая объемная с точки зрения количества страниц. Говоря о ней в целом, считаю, что автору удалось показать своеобразие каждого из этапов переводческой рецепции анализируемой жанровой модификации, начиная с первого перевода романа У.Годвина в 1838 года и заканчивая переводами «Женщины в белом» Коллинза в 1860-е годы. По ходу разговора о переводах как актах рецепции то и дело возникают собственно литературоведческие размышления об идейно-художественных особенностях оригиналов. Так, во многом справедливы суждения И.А.Матвеевко о синтезе просветительского, предромантического, романтического и реалистического начал в характерологии Годвина, о сложном, художественно полностью оправданном жанровом синтезе социально-исторического, нравственно-психологического, философско-религиозного субстратов в романе Бульвер-Литтона, о

фаустианстве и байронизме в его «Юджине Эраме», о сути пародийности в художественном целом «Катаринины» Теккерея, о роли рока в поэтике романа У.Эйнсворта, о диалоговой – а то и полилоговой – повествовательной структуре «Женщины в белом» Коллинза и ряд других замечаний о поэтике переводимых русскими переводчиками XIX века английских романов. Здесь автор демонстрирует высокий уровень поэтологического анализа художественного целого произведений. Глава эта важна также и тем, что обращается к двум явлениям в истории английской литературы, о которых редко говорят отечественные исследователи – к роману У.Эйнсворта «Старый дом» и пародийной повести «Катарина» Теккерея. И.А.Матвеевко удалось, говоря о специфике переводов-рецепций, увидеть место и роль этих произведений в динамике жанровых модификаций английской *crime fiction*.

Понятно, что главная цель этой главы все же – показ движения русской переводческой практики освоения жанровых разновидностей *crime fiction* как отражения, с одной стороны, общей динамики отечественной культуры (и социальной ее составляющей тоже; в том числе либерализации и демократизации общественного сознания; жаль, что об этом автор так мало пишет в работе), а с другой – формирования собственной отечественной романной жанровой палитры. Более того, в большинстве случаев, И.А.Матвеевко имеет в виду вклад английского романа (вернее, его рецепции) в генезис и эволюцию российской социально-психологической реалистической традиции (в известной степени подготавливая читателя диссертации к третьей главе, как представляется историко-литературно наиболее значимой в исследовательском целом работы). Здесь нельзя не обратить внимание на заключительную фразу из раздела 2.2 «Русские переводы ньюгейтского романа Э.Бульвер-Литтона «Юджин Эрам» (1860 – 1890-е гг.)», подводящую итоги оценки качества перевода романа Бульвера в конце XIX века. Мысль, заключенная в этой фразе, вполне применима к описанию общего пафоса этой главы, а может быть, и всей работы: «В переводе, сделанном уже в конце XIX столетия, максимально сохранены художественные особенности иноязычного произведения, своеобразие его проблематики и поэтики, *созвучное русскому литературному процессу*» (с.136) (выд. нами. – Б.П.). Даже то обстоятельство, что повесть Теккерея «Катарина» при переводе была лишена своей принципиальной пародийной заостренности и «подверстана» под литературные требования времени, вполне объясняется эволюцией русского литературного процесса: 1870-е гг. – время, когда русская реалистическая традиция «переросла» свою основу – «натуральную школу», и ей уже были интересны другие историко-литературные явления зарубежной литературы, гораздо более сложные и отвечающие сложности самой русской литературы. А это означает, что существенно усложнилась и даже рафинировалась (в хорошем смысле этого слова) читательская культура 1870-х – 1890-х гг. Именно поэтому «переводы и обсуждение английских социально-криминальных романов стали реже встречаться на страницах русской периодики», как пишет И.А.Матвеевко (с.153).

С точки зрения, так сказать, чисто переводоведческой, наиболее впечатляющими как по объему привлеченному к анализу материала, так и по тщательности работы с ним и по характеру выводов становятся наблюдения над переводами пародийной повести Теккерея, романа Эйнсворта и «Женщины в белом» Коллинза. Здесь есть немало интересных наблюдений над переводческими стратегиями авторов переводов, над качеством переводов, над непреодоленными переводчиками трудностями перевода и т.д. Например, крайне любопытны размышления И.А.Матвеевко о проблемах, с которыми столкнулись русские переводчики английского социально-криминального романа при переводе сцен судебных и иных юридических разбирательств, а также – тех или иных правовых тонкостей. По мнению автора работы, эти проблемы связаны, с одной стороны, с разительными различиями в правовых системах (а значит – и в правовом, юридическом метаязыке) двух стран, а с другой – с отсутствием тех или иных реалий этой сферы жизни русской общества того времени (см. с. 105-106); или со стремлением переводчика перевести повествование в иной «регистр» – романтический, например, в случае с Эйнсвортом (с.162). Наблюдения над переводом романа Эйнсворта, например, оказываются очень важны, поскольку впервые в истории русской рецепции английской *crime fiction* появление самого романа и его перевода совпали по времени, а потому весьма любопытно было посмотреть, как в переводе отразился «процесс становления новой концепции и, соответственно, эстетики жанра социально-криминального романа в русской литературе» (с.172). Раздел целенаправленно рассматривает перевод именно в этом ракурсе. В разделе о русских переводах романа Коллинза «Женщина в белом» (с превалированием внимания к переводам 1860-х гг.) особый акцент справедливо делается на переводе повествовательного многоголосия в свете формирующейся полифонии Достоевского. Этот раздел также читается с глубоким интересом; он характеризуется предельным вниманием автора диссертации к тексту оригинала и тщательным анализом и собственно идеологии перевода, и его качества. В конце раздела автор еще раз подчеркивает, в каких моментах содержания и формы роман Коллинза оказался созвучен русскому литературному процессу и движению романного жанра и как переводчики 1860-х гг. это отразили в переводе.

Иначе говоря, эта глава становится не только главой о переводах как рецепции, но и исследованием становления литературного процесса в России в его, так сказать, романно-эстетической составляющей. Поэтому **третья глава** выглядит вполне логичной и с точки зрения историко-литературной, и с точки зрения гораздо более сложной рецептивной ситуации, чем та, что характеризует существование английского социально-криминального романа как факта русской культуры первой половины XIX века. Ее исследовательский пафос связан с вопросом о типологических связях английской и русской литератур, о схождениях разного рода в национальных практиках не на уровне *crime fiction*, а на гораздо более основательном уровне социально-психологического романа и его модификаций. Здесь автор работы

размышляет о том, как романное новаторство Ф.М.Достоевского и Л.Н.Толстого, например, «взошло» на благодатной почве русской романной реалистической традиции, в основании которой лежала в том числе и рецепция английского социально-криминального романа как жанра, через преступление, криминальный субстрат «смотрящего» на социальные обострения и патологии, неизбежно ведущие к патологии и обострениям нравственно-психологического порядка, и предлагает герою преодоление, излечение от них при помощи самосовершенствования через самоанализ и самоосуждение. (В скобках заметим, что нет ничего более викторианского в английском общественном сознании, чем идеология самосовершенствования человека, столь развитая в нравственно-идеологической основе викторианского общества и столь хорошо понятая Л.Н.Толстым, как известно весьма высоко отзывавшемся о господствующей в Англии и английской литературе евангелической этике.)

Не случайно глава диссертации начинается с раздела, посвященного осмыслению схождений разного рода между романом Достоевского «Преступление и наказание» и романом Бульвер-Литтона «Юджин Эрам», прежде всего базирующихся на общности их идеологических основ – их очевидном анти-бентамизме (у Достоевского, как он полагал, впрочем не совсем верно и упрощенно, в миллевском его варианте). Автор диссертации анализирует типологические схождения романов Бульвера и Достоевского (при всей разности масштабов творчества писателей) на уровне документальности источников сюжетов, в концепции саморазоблачающегося героя, в некоторых совпадениях характеров главных героев, в формах организации повествования. Одновременно И.А.Матвеевко видит и значимые с точки зрения эстетики того и другого писателей различия двух произведений, в частности – в значительно более сложной структуре героя романа Достоевского и в упрощенности и прямолинейности героя Бульвера на этом фоне (система двойничества у Достоевского и практическое отсутствие оной у Бульвер-Литтона, идея смирения и единения с людьми как основы самосовершенствования и рождения в себе новой сути человеческой, не присутствующая в романе английского писателя, но кардинальная для Достоевского).

Одним из самых любопытных и интересных разделов в этой главе, помимо совершенно тематически новаторского раздела о «Томских трущобах», стала часть главы, обращенная к традициям английского романа рассматриваемой жанровой модификации в романе-трактате (как справедливо называет его диссертантка) «Воскресение» Л.Н.Толстого. Мне показалось, что, поскольку автору не нужно было работать в парадигме «у английского писателя – у русского писателя», размышления о схождениях и творческом преломлении (скорее преодолении) традиций социально-криминального романа в поэтике толстовского романа носят в самом деле глубоко типологический и суммарно-обобщающий характер. Именно в этом разделе становится ясным, что не столько собственно *crime fiction*, сколько социально-психологическое повествование с драматизированным самоанализом становится той

традицией, которая лежит в основе типологии выстраиваемой автором работы между толстовским романом и английским романом. Не случайно для подтверждения своих посылок по поводу сложной, комплексной, индивидуально своеобразной рецепции предшествующего романного опыта и эволюции творческого сознания Толстого и отражении этого движения в «Воскресении», равно как и в позднем творчестве писателя в целом, привлекаются не один английский писатель и не одно произведение, а ряд имен и произведений: к уже известным нам по другим главам и разделам диссертации писателям – Бульвер-Литтону Годвину, Коллинзу, Диккенсу, Теккерею, добавляется имя весьма популярной в России того времени Дж.Элиот. Справедливы рассуждения И.А.Матвеевко о переключках между английским жанром и толстовским произведением с точки зрения воспитательной заостренности, стремления мощно воздействовать на читателя, сделав его «соучастником» нравственных терзаний героя и его сложного прихода к себе новому через моральное просветление. (По ходу отметим, что именно это Толстой оценил, например, в ряде произведений Джордж Элиот.) Справедливы и весьма доказательны также рассуждения диссертантки о том, что русский писатель в «Воскресении» «перевернул» модель социально-криминального романа (герой-благодетель – герой-жертва) для своих целей, и о том, что Толстой, воспользовавшись традиционной для английского социально-криминального романа вертикалью социального пространства (показ мира от его низов до самых верхов; хотя, признаюсь честно, вряд ли это открытие именно и только социально-криминального романа), укрупнил ее, генерализировал, как пишет И.А.Матвеевко, стремясь достичь максимального этического и эстетического эффекта – и достигает его, в том числе и потому, что создает роман-трактат. Нельзя не отметить, как основателен исследователь с точки зрения погружения собственно в этико-эстетическую суть романа Толстого (в том числе и на уровне системы образов, мотивной системы, хронотопа, повествования и т.д.). Поэтому вывод, к которому приходит автор диссертации в конце этого раздела, – и о своеобразии актуализации элементов поэтики английской *crime fiction*, и об их трансформации в новом контексте (как общерусском, так и в контексте творчества Толстого), а самое главное – о том, что в результате всего этого выкристаллизовался «итоговый русский классический роман, по-новому поставивший и рассмотревший проблемы, волновавшие общество на протяжении всего XIX столетия, независимо от национальной принадлежности и исторического периода» (с.237), представляется абсолютно логичным и не вызывающим возражений. Я бы только четче эксплицировал идею, которая имплицитно присутствует здесь, да и во всей работе, если иметь в виду четыре следующих раздела: трансформация рецептивно присутствующих в русском литературном процессе XIX века традиций английского социально-криминального романа отразилась на их достаточно оригинальной реализации в романах писателей отнюдь не первого плана, но плотно их использующих, а также в романах некоторых региональных (областных) писателей, по-своему и на местном материале

использовавших эти традиции, к ним пришедшие через рецепцию другими художниками слова.

В разделах, обращенных к «следам жанра ньюгейтского романа», как обозначила это И.А.Матвеевко, в произведениях В.Крестовского, Н.Ахшарумова, Н.Гейнце и томского писателя В.Курицына, состоялся добротный во всех отношениях и весьма интересный анализ бытования рецептивной модели английского социально-криминального романа в творческой практике четырех писателей, нарисовавший убедительную картину процесса формирования и создания едва ли не образцов русского массового криминального романа. Одновременно констатируется, насколько порою упрощенно и прямолинейно традиции жанра переосмыслились и «подгонялись» не столько под русские стандарты, сколько под достаточно интернациональные и, пожалуй, вневременные, каноны массового романа. Вместе с тем, автор показал и те особенности, которые составляют специфику творчества каждого из четверых писателей с точки зрения их индивидуального «голоса» в русском литературном процессе того времени: особый урбанизм Крестовского и его мастерство в решении детской темы (диккенсовское влияние; кстати весьма осязаемое у Достоевского, который, как известно, даже взялся за перевод одного из самых «заточенных» на идею нравственного превосходства детей в силу их природной неиспорченности романа Диккенса «Лавка древностей»; в английской литературе XIX века она звучит с «легкой руки» великого Вордсворта); композиционный полифонизм Ахшарумова и своеобразие готики в ее романе и, самое главное, решения им темы наказания; жанрово усложненная модель криминального романа у Гейнце, его психолого-аналитически насыщенное повествование, своеобразие хронологической структуры произведения Гейнце и некоторые другие особенности поэтики романов трех русских писателей второго плана.

Безусловную оригинальность исследованию придает наличие в ней раздела, анализирующего особенности интерпретации канона английского социально-криминального романа в романе томского писателя XIX века В.В.Курицына «Томские трущобы». Автор работы дал общий, но проблемно заостренный анализ содержательной поэтики произведения, остановившись более подробно на жанровой структуре романа, которая синтезирует две жанровых модели – социально-криминальную и детективную, что, по мнению исследователя, связано с тем, что томский писатель, с одной стороны, не был столь смел, как «большие писатели» столичного уровня, а потому неизбежно эпигоновал, а с другой – ориентировался как раз на переводы английских романов. И.А.Матвеевко, тем не менее, полагает, что эпигонство Курицына не было тотальным (один выбор псевдонима – Не-Крестовский – уже тому свидетельство), что он подверг трансформации сюжет криминального романа как такового, но сделал это не совсем удачно, поскольку позиция самого писателя, его идейно-художественные цели оказались размытыми, а сам роман распадается на фрагменты и множество повествовательных линий. Автор диссертации ищет и находит определенные параллели этого романа с английским социально-криминальным романом, показывая в то же время, как

ориентация на массового читателя отражается на заимствованиях из канона английского социально-криминального романа.

Все размышления И.А.Матвееенко о русских «вариациях на тему английского социально-криминального романа» завершаются вполне доказанными всем ходом исследования **выводами**. Один из них (пожалуй, самый обобщающий) звучит так: «Представленный анализ присутствия модели английского социально-криминального романа в русском творческом сознании свидетельствуют о ее поэтапной адаптации, вхождении в художественный контекст, и последующей трансформации отдельных ее элементов в творческом сознании русских писателей. Такие трансформации наблюдались как в сочинениях писателей-классиков (Ф.М.Достоевский, Л.Н.Толстой), так и в произведениях авторов второго ряда (В.В.Крестовский, Н.Д.Ахшарумов, Н.Э.Гейнце), и в регионально литературе (В.В.Курицын-Не-Крестовский). <...> Очевидно, что данная жанровая модификация претерпела индивидуальную творческую переработку, в процессе которой ее отдельные компоненты видоизменялись в зависимости от этических и эстетических потребностей конкретного писателя и русского литературного процесса» (с.292).

Итак, еще раз подчеркнем: диссертация И.А.Матвееенко – основательное во всех смыслах исследование литературного процесса XIX века на этапе генезиса и эволюции реалистической социально-психологической традиции словесно-образного воплощения действительности. Это работа, убедительно демонстрирующая, как много было типологических сближений, совпадений и параллелей в двух ведущих европейских литературах того века – русской и английской – не только на уровне классических вершин, но и на уровне творчества писателей второго и далее порядка обеих национальных литератур.

При всей высокой оценке диссертации добавлю к уже высказанным еще несколько замечаний, которые, скажу сразу, не меняют общего чрезвычайно положительного отношения к ней. Они касаются в основном «английской части» работы, хотя и не только ее.

Начну с того, что всякий раз, когда речь заходит об исследовании жанра, а тем более жанровой типологии, автор такой работы вступает на некое «минное поле» сомнений и возражений, вопросов и сожалений по типу: почему не учтено это, не включено другое, пропущено еще одно и т.п. Уверен, И.А.Матвееенко осознавала, что вполне подставляет себя под «удар» подобной критики. Однако все же не удержусь от такого рода сожалений и я, хотя и не буду сильно сетовать на то, что что-то, вписывающееся в ту или иную типологию, не включено или забыто (например, не буду сильно критиковать автора диссертации за то, что при разговоре о рецепции традиции романа-судебной хроники в русской литературе она не обращается к роману «Братья Карамазовы»). Я коснусь более широких аспектов.

Во-первых, мне кажется, что в начале работы, может быть, даже во введении, стоило более определенно, чем это состоялось в диссертации, обговорить критерии выделения социально-криминального романа как жанрового образования *инвариатного* (ядерного) типа и уточнить принципы

вычленения его модификаций (как разновидностей, как субжанров) и тоже дать им более основательное описание. Тогда стало бы более понятно, почему под крышей одного жанрового определения сосуществуют весьма разные, порою кажущиеся различными произведения: «Калеб Уильямс» Годвина, например, по большому счету весьма жанрово далек от «Оливера Твиста», хотя и в том, и в другом присутствует социально-криминальная составляющая, которая, однако, не является единственной в сложной полижанровой структуре обоих произведений. В романе Годвина это особенно очевидно, так как в произведении сильны моменты метафизики обобщений, и нередко автор в нем выходит на философский уровень постановки проблемы («человек и неизбывная надличностная социо-политическая сила»). В «Оливере Твисте», ко всему прочему, представлены и элементы *Bildungsroman*, хотя и не в его абсолютно чистом, классическом, виде, а в форме романа испытаний в определенной степени уже «готового» героя (по М.М.Бахтину). Криминальная (лондонская, «трущобная») часть важна не сама по себе, а как этап таких испытаний (причем не столько героя, сколько мира) на сохранение человечности и справедливости. Вообще все мы хорошо знаем, что чем дальше в XIX век, а тем более в XX и далее, тем менее однозначной становится жанровая структура романа, и его уже невозможно описать одним (односложным) термином. Роман, как известно, «жаден до жизни» и стремится объять ее всю и сразу, явить, перефразируя Б.Пастернака, в одном слове образ всего мира. Тогда еще определеннее можно было бы увидеть своеобразие каждого из тех, кто включал в структуру своего романа элементы *crime fiction*. Я понимаю, что анализируемая работа все же о рецепции, а не собственно о теории и практике жанров социокриминальной художественной литературы. Но все же более точное описание предмета рецепции было не лишним, а в случае сопоставления высокой классики и массовой литературы, может быть, даже и насущным, дабы отчетливее показать меру традиции и новаторства, жесткое следование канону и творческое его переосмысление.

Не уходя далеко от Диккенса, хочу немного возразить автору диссертации: на 50 странице работы И.А.Матвеевко уравнивает Байрона и Диккенса, называя их ниспровергателями общественных норм. Не думаю, что Диккенс согласился бы с соединением своего с имени с именем Байрона, отношение к которому в викторианские времена было, мягко скажем, сложным. Создатель «Крошки Доррит, «Тяжелых времен», «Холодного дома» (называю самые социально критические произведения Диккенса) вряд ли может быть назван ниспровергателем общественных норм; критиком – да, порою жестким, но только критиком, да и то своеобразным. Хорошо известны его неизменная вера в самосовершенствование каждого как условие нравственного прогресса общества и его неприятие всякого рода революционных сломов и ниспровержений (вспомним роман «Повесть о двух городах» с его своеобразным изображением ужасов революции как разгула низменных страстей человека в том числе и самопожертвование одного из героев ради счастья двух других). Вот и в «Оливере Твисте» – при всем том, что это роман написан на злободневную тему: работные дома и их ужасающая

бесчеловечность, кстати к социально-криминальной модели не имеющей отношения – ничто не ниспровергается по большому счету, а утверждается вера в торжество добра, которое не в силах убить даже inferнальный злодей Монкс (так сказать, внесоциальный) и его двойник на уровне социального зла Сайкс. На мой взгляд, назвать роман «Оливер Твист» «социально-криминальным романом» – упростить его суть.

Мне думается, что одним из замечаний к работе может стать отсутствие необходимого объема и уровня разговора об экстра-литературных аспектах распространенности социально-криминального романа в Англии XIX века, в особенности – в викторианские времена. Имеется в виду идеолого-нравственная структура общества, моральные и этические ценности времени, идеалы и фобии и пр., а главное – движение, динамика (прогресс) социокультурной целостности общества. Это позволило бы увидеть много основательнее, чем произошло в работе, те аспекты английской (шире – европейской) реальности, которые виделись русским интеллигентам (дворянам и разночинцам, а потом и передовой буржуазии) как непереносимые для всякого общества (в особенности на стадии становления гражданского общества, его, общества демократизации и либерализации) институты. Ведь не секрет, что русские демократы учились у западных (или, наоборот, отталкивались от них – «западники и славянофилы»). Это, как кажется, открыло бы некоторые новые аспекты генезиса рецепции, особенности ее реализации, причины принятия или отталкивания тех идей, что лежали в основе лучших образчиков жанра. Конечно, перед нами работа по истории литературы, но литература словесно-образно моделирует реальную действительность прежде всего.

Думаю, что не менее важно было бы подчеркнуть вообще роль зарубежной литературы в становлении русского социального реализма и уже исходя из этого смотреть на рецепцию конкретного жанрового явления. Понятно, что русский реализм вырос на русской почве, из «Шинели Гоголя, так сказать. Но тот факт, что самым широким образом переводились произведения ведущих реалистов Запада – Диккенса, Теккерея, Ш.Бронте, Э.Гаскелл, Треллопа, Дж. Элиот – если называть только англичан, как раз в период утверждения открытий «натуральной школы» и реалистической эстетики в целом как того, что открыло путь, в конце концов приведший русскую реалистическую литературу к мировому триумфу во второй половине XIX века, а в русских «толстых» журналах появлялось немало статей о зарубежной реалистической литературе не только с собственно литературным акцентом (особенно в либеральных журналах), а также тот факт, что зарубежная философская и этическая мысль активно входила в общественное сознание русской формирующейся интеллигенции (вспомним того же Достоевского с его анти-миллевской установкой, например), позволяет говорить о некоей тотальной рецепции, о том, что восприятие социально-криминального жанра было лишь частью гораздо более объемного и глубокого процесса.

Повторю еще раз: высказанные соображения не перечеркивают всего того, что так интересно и основательно с точки зрения историко-литературной

сделала И.А.Матвеевко. Наоборот, ее работа заставляет размышлять дальше, провоцирует (в хорошем смысле слова) на весьма серьезные вопросы о европейском (мировом) литературном процессе XIX века, убеждает в том, что ошибочно считать что о нем, этом веке, уже все сказано и нет необходимости что-либо пересматривать. Как раз наоборот – и работа И.А.Матвеевко как раз подтверждение этому.

Нет сомнений, диссертация Ирины Алексеевны Матвеевко «**Восприятие английского социально-криминального романа в русской литературе 1830 – 1900-х гг.**», соответствует пункту 9, 10 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ 24.09.2013 № 842, и является научно-квалификационной работой высокого уровня. В ней на основании выполненных автором сравнительно-типологических, в том числе и переводоведческих. исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение: разработана теория рецепции в русской литературе иноязычной в целом и английской в частности литератур в периоды генезиса, эволюции и взлёта русской реалистической литературы XIX века, разработана модель изучения жанровых модуляций романа в условиях становления русской реалистической романной эстетики, серьезным образом уточнен процесс типологического сближения национальных литератур, продиктованного наличием сходных этапов развития социокультурных целостностей двух стран, основательно осмыслен ряд сущностных явлений в истории литератур России и Англии XIX века, предложено решение научной проблемы рецепции одной национальной литературой жанровых моделей других, иноязычных, литератур. Работа И.А.Матвеевко вносит существенный вклад в отечественную литературоведческую науку, в которой проблемы, поднятые и освещенные в диссертации соискателя степени доктора филологических наук, до него не получали такого основательного решения.

Автореферат и имеющиеся публикации – монография, 18 статей в изданиях, рекомендованных ВАК, статьи в других изданиях – полно отражают основное содержание работы.

Полагаю, что **МАТВЕЕНКО Ирина Алексеевна** заслуживает искомой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Официальный оппонент,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой мировой литературы и культуры,
декан факультета современных иностранных языков и литератур
Пермского государственного национального
исследовательского университета

Б.М.Проскурнин

Почтовый адрес: 614990 г. Пермь, ул. Бушарова, 13 ПГНИУ, факультет СИЯиЛ, ауд.
121. Телефон: 8 342 2396637 bproskurnin@vindex.ru

Борис Михайлович Проскурнин

Б.М. Проскурнин
13.10.2014